

Люди и судьбы

В.К. Кючарьянц

Прорицатель

Имя его долгие годы оставалось неизвестным, хотя его прекрасно знали многие сильные мира сего. Сергей Вронский был личным астрологом Рудольфа Гесса, встречался с Гитлером и Сталиным. Он составлял гороскопы таким знаменитым женщинам, как Мери Пикфорд, Ева Браун, Мерилин Монро и Голда Меир. От него узнавали о том, что сулят им звезды, такие, казалось бы, прагматичные политики, как Джон Кеннеди, Жорж Помпиду и Чан Кай-Ши. Не обошлись без него и наши правители — Юрий Андропов, Михаил Горбачев и Борис Ельцин. И даже те, кто был ближе всего к звездам, — Сергей Королев и Юрий Гагарин.

Впервые я услышал об этом человеке еще в конце 70-х прошлого века от известного московского экстрасенса и ясновидца Владимира Ивановича Сафонова, принимавшего участие в судьбе Вронского в последний, московский период его жизни. С трудом верилось, что человек, знавший всю верхушку нацистской Германии, встречавшийся со Сталиным и Берией, не просто жив и здоров, но находится где-то рядом. Мои попытки встретиться с ним в те советские времена ни к чему не привели. Он был достаточно замкнут, и, как теперь ясно, тому были весомые основания. И вот спустя почти два десятилетия я увидел в одной из газет небольшую заметку, где Вронский рассказывал о своих встречах со Сталиным. Разыскав автора интервью, с огорчением узнал, что опоздал окончательно: Сергея Алексеевича Вронского больше нет. Сергей Каменев, долгие годы близко знавший его, как оказалось, был литературным редактором трех изданных в России научно-популярных книг Вронского по астрологии и, пожалуй, одним из тех немногих, кому тот поведал кое-что о своей жизни. На просьбу написать очерк о Вронском для журнала, в котором я работал, Каменев откликнулся с большой охотой, признавшись, что заканчивает работу над книгой о нем. Вскоре он принес главу из книги. Вырванная из контекста повествования, она не позволяла воспроизвести события в определенной хронологической последовательности.

С.А. Вронский

Мы договорились поработать над материалом вместе, чтобы довести его до нужной кондиции. Несколько раз встретились, затем он пропал. Выждав пару недель, позвонил ему на службу. На просьбу позвать к телефону Каменева последовало долгое молчание. Затем я услышал: «Разве вы не знаете, Сережи больше нет...»

Мне не известно, вышла ли его книга. Но вариант очерка о Вронском, который он так и не увидел, у меня сохранился.

Удивительная судьба этого человека могла бы стать основой бестселлера. Потомок знатного дворянского рода, граф, доктор медицины и философии, профессор, биорадиолог, почетный президент Международной астрологической федерации, профессиональный автогонщик, пилот высшего класса. И, наконец, медиум и ясновидец.

Он был дружен с Шаляпиным и Александром Алехиным. Алехин специально приезжал к нему в Берлин в 1937 г. накануне чемпионата мира по шахматам. Предсказание Вронского о том, что он вновь станет чемпионом и удержит этот титул до 1946-го, исполнилось в точности... Именно Вронский настойчиво уговаривал Королева и его врачей перенести дату хирургической операции,

ставшей роковой для конструктора. Юрий Гагарин, пренебрегший советом Вронского, погиб в один из критических дней своего гороскопа, о которых его предупреждал Сергей Алексеевич.

— За долгие годы нашего знакомства, — вспоминал Сергей Каменев, — я не однажды просил его рассказать о самых интригующих событиях его жизни. Как и о том, что будет происходить со страной, чего нам ждать завтра и в перспективе. Вронский неоднократно повторял мне, что не имеет права говорить о многом. Как я понял, это было и некое мистическое табу до определенного срока, и чисто профессиональный запрет на многие вещи. Он строго соблюдал эти запреты всю свою долгую жизнь (умер он в возрасте 85 лет в январе 1998 года в крохотной однокомнатной квартире в Ясеневе). Хотя о некоторых событиях, о которых он рассказывал сам, я все же могу повесть. Вот диктофонная запись.

Звучит голос Сергея Алексеевича Вронского:

«Я происхожу из старинного дворянского рода, чьи предки переехали из Польши в Россию в XVII веке, когда установилась династия дома Романовых. Мой отец служил в шифровальном отделе Генштаба царской армии, владел 42 языками. Меня воспитывали гувернантки — француженка, немка и англичанка. Моя бонна-итальянка была близкой подружкой мамы. Каждая из них говорила со мной на своем языке, так что уже в пятилетнем возрасте я владел четырьмя языками. Четко помню тот летний день, когда в наш дом ворвались вооруженные люди с красными звездами на фуражках. Отец, мама, сестры и сын моей бонны Амелиты находились в одной комнате и упаковывали чемоданы. У отца был подписанный Лениным документ, разрешающий наш отъезд во Францию, но и он не спас нашу семью: все были расстреляны. Я в это время был на улице, и вместо меня расстреляли сына бонны...»

После расстрела семьи Вронских бонна Амелита вывезла пятилетнего Сережу во Францию, где их вскоре через Красный Крест разыскали жившие в Риге бабушка и дедушка. Они-то и приютили бонну и внука, которому бабушка — черногорская княжна, высокообразованная женщина, увлекавшаяся к тому же оккультизмом и магией, стала передавать свои знания. В семь лет Сережа уже составлял гороскопы своих одноклассников, друзей, учителей, постигал азы гипноза, магии, спиритизма. В 17 лет увлекся авиацией, окончил авиационно-спортивную школу под Инсбруком. В 1933-м Сергей Вронский уехал учиться в Германию, стал студентом медицинского факультета Берлинского университета. Оттуда из-за необычных способностей и высокородного происхождения был переведен в Биорадиологичес-

кий институт. «Учебное заведение № 25» было элитарным. В нем готовили специалистов для лечения верхушки Третьего рейха. Помимо обычных медицинских дисциплин, здесь изучали психотерапию, гипноз, восточную медицину, шаманство, знахарство. Среди преподавателей были тибетские ламы, иглотерапевты из Китая, индийские йоги, знатоки различных единоборств из Японии. Еще в университете Вронский дважды отправлялся во время каникул в Южную Америку и подрабатывал пилотом-наемником, принимал участие сначала в боливийско-парагвайской, а затем в итало-абиссинской войне. Был сбит, но остался жив. Несмотря на роль, которую сыграли «красные» в трагической судьбе его семьи, Сергей Вронский в сентябре 1936 года вступил в антигитлеровское подполье.

Каким образом молодой русский граф Вронский оказался вхож в святая святых Третьего рейха, окружение Гитлера?

Еще в Риге, когда было принято решение отправить его на учебу в Германию, знакомя семья, жена пастора Билмана (немца по происхождению), дала ему рекомендательное письмо к близкому другу ее мужа, одному из нацистских бонз Иоханну Коху. «Я очень понравился Иоханну, как он потом сам признавался мне, и манерами, и душевными качествами, — вспоминал Сергей Алексеевич. — Мы проводили вместе много времени. У него же состоялось мое первое знакомство с родственником его погибшей накануне венчания невесты — Рудольфом Гессом. Сошлись мы на астрологии, и Гесс стал моим первым учеником. Он оказался очень способным в познании этой науки, но ему мешала большая самоуверенность. Общаясь с ним, я начал по-настоящему применять мои способности гипноза и внушения. И надо сказать, он хорошо поддавался этому. Задача, поставленная передо мной товарищами по компартии, состояла в том, чтобы добиться полного доверия Гесса. И это удалось. Правда, не сразу. Сначала вошел в круг его друзей и сослуживцев. Когда меня допустили “ко двору”, куда чужих не подпускали на пушечный выстрел, интуиция и мои навыки помогли мне разгадывать корыстные и карьерные игры среди приближенных Гесса, их возникающие союзы и группировки. Я давал ему советы, как с кем себя вести, кого остерегаться, кого приблизить. Он очень прислушивался к ним, так как я обычно попадал в точку. Однажды, по выражению самого Гесса, я попал просто в десятку, что подняло мои шансы на целый порядок. Как-то на вечеринку у Коха Рудольф Гесс привел Еву Браун. Она еще не была знакома с Гитлером. Узнав, что я астролог, она попросила меня составить ей гороскоп. Взяв все

необходимые данные, я составил его и сообщил ей, что она вскоре станет очень большим человеком, и наверняка благодаря удачной партии. Все рассмеялись, приняв эти слова за комплимент, и мало кто придал этому значение. Но когда вскоре Гитлер сделал Еву Браун своей избранницей, Гесс тотчас позвонил мне и сказал: “Твои слова исполнились”. С того дня я окончательно стал его доверенным лицом. Гесс лично распорядился выдать мне пропуск в ставку Гитлера. Я был единственным, кому разрешалось лечить, как теперь говорят, “биоподем” высших нацистских сановников. Не раз меня вызывал к себе сам фюрер, страдавший желудочно-кишечными и головными болями. Естественно, во время процедур я не раз слышал то, что было предназначено лишь для его ушей...» Вронский оборвал на этом рассказ, опустив едва ли не все главы своей жизни тех лет.

Сергей Каменев спросил его о бегстве Гесса, когда тот в мае 1941 года, вылетев с аэродрома близ Мюнхена, выбросился с парашютом в Англии и приземлился в имении герцога Гамильтона. Как он, занимавший столь высокий пост в рейхе (Гитлер объявил его своим преемником), решился на побег перед самой войной с Советским Союзом?

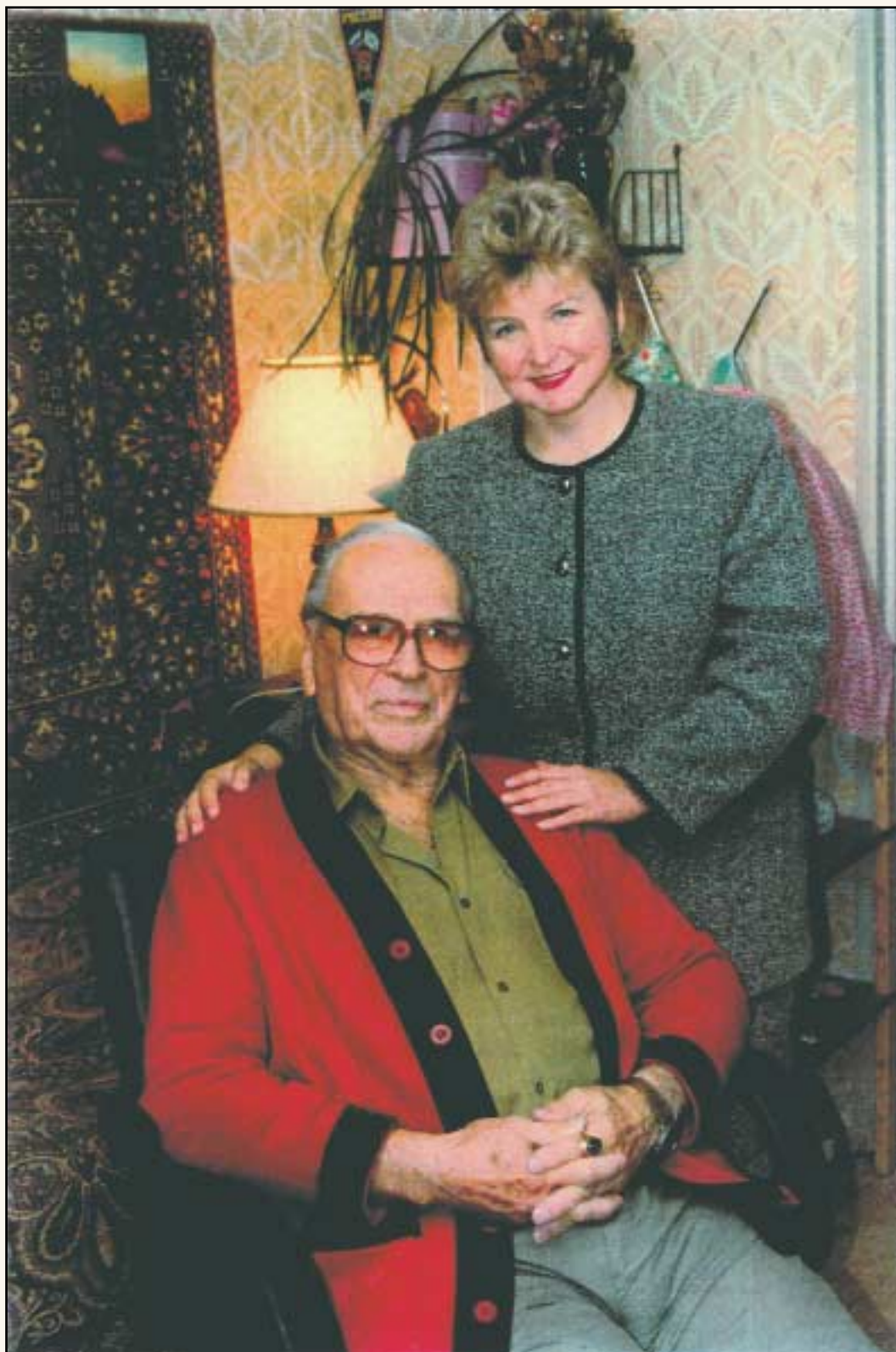
«В этом нет ничего удивительного. Многолетнее доверительное общение с ним, его страстное увлечение астрологией и абсолютная вера в нее позволяли мне быть полностью откровенным с ним. Будущие события — война с СССР и крах нацистской Германии — были уже известны мне из астрологических расчетов. Как, собственно, и его личный гороскоп, в котором трагический конец можно было предотвратить лишь резкой сменой обстановки. Если бы он не выбрал Англию, то улетел бы в Россию... Может, благодаря этому он и прожил до 93 лет?

— А как вы сами оказались в Советском Союзе? Ведь о вашей роли, о связи с компартией Германии знали единицы. В глазах людей вы были лицом, приближенным к самой верхушке нацистского режима.

— Вернулся я не по собственной воле, а по приказу Сталина, который вызвал меня вроде бы для награждения...

— Вы ведь встречались с ним уже до этого?

— Да, дважды. Впечатления остались самые неприятные. Его поведение и тон разговора были весьма далеки от общепринятого этикета. Когда, например, в тот же год меня пригласил на свое 50-летие Чан Кай-Ши, это был разительный контраст: китаец подкупал своей приветливостью, даже галантностью. Я пробыл у него четыре месяца в качестве консультанта. Сейчас принято считать, что Сталин владел гипнозом. Это заблуждение, могу утверждать как специалист. Рабское

Сергей Алексеевич Вронский с одной из своих учениц, 1990-е гг.

поведение его окружения можно объяснить лишь сверхболезненным страхом людей.

— О чем говорил его гороскоп, вы ведь составляли его?

— Сталин родился в девятый день Луны — по астрологической традиции это один из самых страшных лунных дней. Его образ — летучая мышь, или нетопырь — один из сатанинских символов. Кстати, у него и знак такой присутствовал: правая нога его была четырехпалой».

Вронский опустил причину и подробности своих встреч с вождем и вернулся в 1942 год.

«Когда меня вызвали в Москву под предлогом награждения, одновременно со мной были вызваны еще несколько человек, работавших в Берлине для Центра. Я непосредственно для Центра не работал, поэтому был весьма удивлен вызовом. Перелетел линию фронта, приземлился. Меня повели в штаб армии. Сопровождал меня некий капитан... И вдруг сзади раздался выстрел... Странно, но я остался жив. Очнулся в госпитале. Спас меня сам Бурденко, хорошо знавший моего отца. Когда я встал на ноги, меня приговорили к расстрелу, но затем его заменили лагерями сроком на 25 лет».

Там, в военном госпитале на Валдае, когда он еще ничего не знал об ожидающем его приговоре, к нему в палату вошли двое штатских.

— Я писатель Фадеев, — представился один из них.

...Когда Берия вызвал к себе Фадеева, ледящий страх сковал писателя. Но нарком госбезопасности принял его вежливо: «Я тут решил оказать вам услугу, дорогой писатель. Есть один человек, бывший граф. Он только что вернулся из ставки Гитлера. Наш человек. Свое дело он уже сделал, о нем можно будет написать хорошую книгу. Сейчас он еще в госпитале. Поторопитесь...» Берия сказал ему, что граф одинок, ранен и, вполне возможно, ему сейчас нужны деньги. Не все сказал Лаврентий Павлович. Ну мог ли он, к примеру, рассказать историю с сапогами? Когда в 1938 году Вронский прибыл из Италии под видом коммивояжера для встречи со Сталиным, сразу после вождя его принял Берия, только что примеривший китель наркома. Едва Вронский вошел в кабинет, Берия чуть не вскрикнул от радости, увидев на элегантном посетителе блестящие хромовые сапоги. Они словно созданы были для его новой формы. И Берия открыто предложил графу обмен баш на баш, туфли на сапоги. Такого аристократ Вронский не ожидал от столь высокопоставленного лица. Он усмехнулся и... отказался. Берия отказов не любил.

Открыв портфель, Фадеев вынул две пухлые пачки денег и положил на тумбочку.

— Что это? — сухо спросил больной.

— Деньги для вас, — пояснил Фадеев. — Но с

одним условием: все будете рассказывать мне одному. Другим — ни слова.

Вронский посмотрел на деньги и, побелев от гнева, перевел взгляд на писателя:

— Уберите с глаз. И прошу вас более не тревожить меня!..

После некоторого замешательства посетители вышли. Роман о графе Вронском так и остался не написанным.

Потом был ГУЛаг. Тутгодились все навыки, приобретенные в Биорадиологическом институте. В 1944-м, искусно инсценировав смертельную болезнь, Вронский обрел свободу. Поселился в Юрмале, в предместье Риги. На работу не брали. Денег не было. Друзей тоже. Так продолжалось до 1961 года, пока он не приехал в Москву. Здесь он жил у своих учеников, знавших его еще по Риге. Начал работать на уголовный розыск: искал по фотографиям погибших, исчезнувших. В 1963-м экстрасенс Владимир Сафонов познакомил его с выдающимся русским философом Лосевым. Около года Вронский жил в доме у Лосевых на Арбате. Потом было много разного: сотрудничество с МВД, КГБ и Министерством обороны. И, наконец, Звездный городок, где он работал с космонавтами.

Однажды Сергей Каменев спросил Вронского: что ждет Россию, дошедшую уже до самого края пропасти?

«Те, кто предсказывает ее гибель, ошибаются. Россия была, есть и будет. Хотя сейчас для нее не очень благоприятный период. Но это пройдет, как проходило во все времена. Главная беда России — что все ее властители делают роковые ошибки, заливающие страну кровью. Последствия очевидны. Преступной ошибкой Ельцина было развязывание войны в Чечне. Это самое страшное, что могло произойти. Чечня еще принесет немало бед, ибо мы начали войну с исламом, и то, что уже случилось, это пока цветочки. Теперь же следует остерегаться братоубийственной войны на всем Кавказе. (Прошло пять лет, и, похоже, его предсказание сбывается. — В.К.)

— Что все же предсказывают астрологи на ближайшее будущее?

— Тяжелые кризисы нашего времени — это агония уходящей космической эры Рыб. Она существовала 2160 лет и совпала с христианской эрой. Сегодня мы можем назвать себя очевидцами и соучастниками перехода в новую космическую эру. Стрелка мировых часов, приближаясь к эре Водолея, уже объявляет о пришествии нового духа времени. Он принесет с собой не только новую картину мира, новую цивилизацию, но и совершенно иную этику. Что же касается будущего России, то я бы больше рассчитывал на разум ее народа, нежели на расположение звезд».